

ЭХО МИШТАР
север и юг

ЭХО МИШТАР
вершины и пропасти

Софья Ролдугина

Эхо Миштар

вершины и пропасти

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р67

Иллюстрации в тексте на обложке
и нахзаце *Илоны Шавлоховой*

Карта на форзаце *Анны Лужецкой (Ааегупп)*

Леттеринг названия *Нади Совы*

Разработка серийного оформления *Кати Петровой*

Дизайн переплёта *Радия Фахрутдинова*

Ролдугина, Софья Валерьевна.

Р67 Эхо Миштар. Вершины и пропасти / Софья Ролдугина. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-04-186885-7

Случается иногда, что мир приходит в движение – и тогда не отсидеться ни в горах, ни в пустыне.

Зреет на севере пламя бунта, и чем дальше, тем больше противятся сыновья лорги воле царственного отца. А во тьме поднимает голову третья сила — алчная, жестокая, и не будет от неё никому пощады.

На юге храм схлестнулся с конклавом, восстали рабы в оазисе Кашим, и ведёт их за собой всадник с колдовским мечом, с печалью в сердце... А под барханами дремлет старое зло — и скоро настанет время ему пробудиться.

Между севером же и югом скитаются двое. Алар, странник-эстра, хочет вновь обрести утраченную память — и новое место в мире, который теперь не узнаёт. Фогарта Сой-рон, учёная-киморт, ищет потерянного учителя, того, кому всегда принадлежало её сердце...

Вот только они не знают, сколько боли принесёт им эта встреча.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186885-7

© Ролдугина С., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

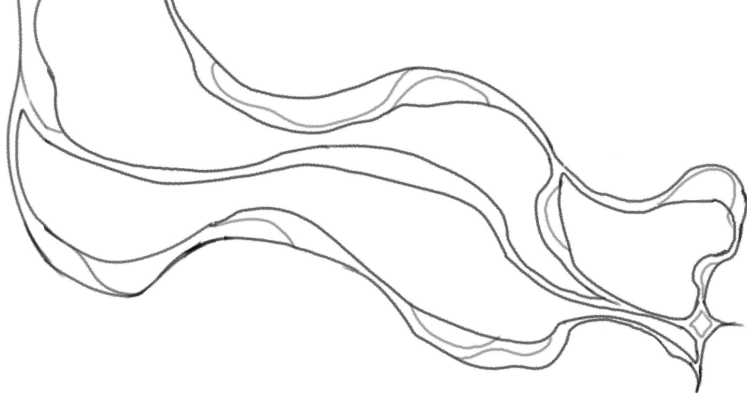
*Моей подруге Ленте, без которой этой книги
не было бы вообще — а ещё Жене, Мари и Хайм,
без которых она была бы совсем другой...*

*...и всем-всем, кто покидает дом,
чтоб отыскать утраченное
или отправиться за мечтой.*

Эта история — для вас.

ПРОЛОГ

Много я повидал чудес, а привыкнуть не могу. Говорят, что более прочих славится небывальщиной юг. И сложно поспорить: чего только не увидишь среди барханов великой пустыни! Есть там деревья с гору высотой, ствол чёрный, а листья серебряные, и каждый из них — погибель. Есть караваны из мертвецов, издали — точь-в-точь как живые: едут люди верхом на тхаргах, катятся повозки, трубит заунывно рог, звенят колокольчики... А присмотришься — и ахнешь: что наездники, что скакуны — кожа да кости, глаза чёрные и ссохшиеся, языки набок висят, а роскошные одежды уж давненько истлели, как паутина на просвет. Рыщет такой караван, рыщет — поживы ищет. А пропасти бездонные? А садхам — красный вихрь? А проказливый зверёк эль-шарих — юркий, ушастый, о двух хвостах и с ладошками, как человечьи, только маленькие? Этот, рассказывают, спас столько же людей, сколько и погубил, и нипочём ему ни солнце, ни мертвоходцы, ни зыбучие пески.

Даже я, Сэрим, не поручусь, что с эль-шарихом управлюсь без своей флейты.

Восток тоже богат на диковины. Чего только стоит Шимра, жемчужина Ишмирата! Во всём мире, пожалуй, второго такого города не сыскать. Шимра живёт чудесами — и немудрено, ведь здесь кимортов больше, чем на всём юге и севере вместе взятых. Там, на базаре, можно купить всё что угодно: и морт-меч, одним взмахом способный заковать Рукав Мира льдами и остановить бурное течение, и шкатулку, в которую уместится целиком ездо-

вой гурн с ушами и хвостом, и тончайшие шелка, что не горят в огне, зимой согревают, а летом охлаждают. А средоточие чудес — цех кимортов. Стены в том дворце из благоуханного белого дерева, крыша — из тончайшей розовой яшмы, а во внутреннем дворе цветёт, не увядая, вечная эрисея, и трепещут в призрачном свете пунцовые лепестки... Любое чудо подвластно кимортам, и нет ничего, перед чем бы они отступили — кроме разве что смерти или сброса.

И хоть люблю я восток, а всё же редко там бываю: устаю от великолепия, да и тамошние вельможи больше ценят изысканный перебор семиструнки, чем флейту и её печальный напев.

Есть чудеса и на севере — горы, чьи недра полны самоцветов, и плодородные туманные долины вокруг Ульменгарма, и Седая Хродда у самых гор — неприступная твердыня, возведённая кимортами в незапамятные времена. Ходят легенды, что в ту пору они оборонялись от напасти, перед лицом которой пали все прочие земли, но что нам до тех легенд? Ныне от былого величия севера только старая крепость и осталась... А ещё люди. Таких искусных мечников поискать в целом свете — и не найдёшь! Говорят, у них пламенные сердца и очи, что видят любую ложь.

Я не знаю — не проверял, но обманщиков на севере и впрямь поколачивают исправно.

И если уж речь зашла о диковинках, то скажите на милость, разве ли видано такое, чтоб юная дева покинула Шимру наивной ученицей, за которой глаз да глаз нужен, но уже через полгода превзошла своего учителя в силе? Истинно вам говорю, правда это — провалиться бы мне на месте, если б я солгал! Но только вряд ли расскажет вам та дева, какой ценою далось ей это чудо, что она потеряла, а что обрела... Да и мало кто понял бы её, даже если бы она и рассказала.

Или вот ещё чудо — встретить посреди далёких земель, там, куда не чаял уже вернуться, старого друга.

— Орра, Дёран! Надо же, и впрямь ты. То-то мне стон семиструнки издали знакомым показался, аж сердце прихватило да уши заныли...

— И тебе привет, Сэрим, приятель! Да и мне что-то вдруг захотелось рукою кошель накрыть и монеты пересчитать: ну, думаю, не иначе ты где-то рядом ходишь.

Он хохочет, да и я не отстаю; он сказитель, и я музыкант, а оба два мы — бродяги без роду без племени. Кому дружить, как не нам?

Приметив по запаху приличное заведение, беру по стакану горячего вина — не из раймы, но тоже неплохого — и мы садимся в свободный угол. Пока Дёран пристраивает рядышком чехол с семистрункой, разглядываю приятеля исподтишка. Он ничуть не изменился, только снова волосы стали короче, а взгляд — печальней; не иначе, потерял кого-то близкого не так давно.

И я догадываюсь даже, кого... Но прежде чем успеваю сказать хоть что-то, Дёран оборачивается ко мне и говорит:

— Послушай, приятель, и как там сейчас — на юге?

— Так же, как и всегда, только хуже, — пожимаю плечами. — Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть, правда, и добрые вести. Город Дабур, что далеко на юго-востоке великой пустыни, получил избавление от эпидемии. Долгих полгода бродила смерть по его улицам, не различая правых и виноватых; городской совет же постановил сокрыть правду, чтобы не потерпеть убытков, затворили ворота и подкупили проводников. Несогласных казнили. Перестали туда ходить караваны, кроме немногих избранных — или особенно несчастливых: те, кто всё-таки добирался до Дабура, обречены были остаться в его стенах, желали они того или нет. Спасение принесла благочестивая дева-киморт. За дюжину дней она исцелила больных без счёта и даровала городу волшебную храмовую чашу на случай, если напасть вернётся. Деву-киморта прозвали Избавительницей, и вознесли ей хвалу, и много почестей оказали... Однако разве же может южанин удержаться, если почует запах поживы? И разве же оставит какой правитель в живых свидетеля своей слабости и подлости? То-то же. Коварный Абир-Шалим арх Астар, глава совета, хитростью пленил деву-киморта, одурманил её и продал работоторговцу из Кашима. Вот только радовался он недолго! Услышав о творимых советом беззакониях, конклав направил к городу отряд всадников-арафи,

и ныне головы виноватых украшают пики над городскими стенами; в честь Избавительницы же в храме установили изваяние в образе Благодатного Ветра Дождей.

Перевожу дыхание; а Дёран, опустив глаза долу, говорит только: — Вот как.

Мне, право, становится немного обидно — самую малость.

— Это ещё чего! — добавляю я с азартом и чуть наклоняюсь к нему заговорщически. — В городе-оазисе Кашиме случилось чудо, какого уже лет триста не видывали. Дождь пошёл. Да какой дождь — ливень, с громом, с молнией! Улицы ненадолго обратились полноводными реками, а в небе раскинулась двойная радуга — знак великих перемен. А виной всему, говорят, дева-киморт. Увидела она на базаре человека, обманом проданного в рабство, осерчала — тут-то буря и налетела. Торговец неблагочестивый тут же покаялся в обмане, отпустил того раба, а с ним вместе ещё дюжину; за ним и другие повторили, не дожидаясь, пока дева-киморт обратит на них ясный взор, и за то прозвали её Освободительницей, а ещё Подательницей Воды — за ливень. Послала за ней сама михрани, желая испытать её мудрость за игрой в на-джи, но была посрамлена и повержена. Послал за ней и младший сын михрани по имени Ачир, но был он, в отличие от царственной своей матери, учтив и добродетелен, и за то дева одарила его дюжиной колдовских мечей, равных которым по силе нет. И недалёк уже тот день, когда власть в городе перейдёт к нему, а он... а он, говорят, рабство терпеть не будет.

Снова умолкаю, смотрю на Дёрана, жду, что он скажет. А он повторяет растерянно:

— Вот как.

И тут я, признаться, уже сержусь.

— Тебе как будто бы всё равно, — упрекаю его. И подвигаюсь ближе, понижая голос: — Ну, слушай, этого-то тебе никто не расскажет, кроме меня... В конклаве нынче наметился раскол. Издревле пять сотен семей правили пустыней; пятьдесят благородных мужей делили силу между собою, а пятерым давалась особая власть: один всадниками повелевает, другой страже приказы отдаёт, третий налоги собирает, четвёртый дорогами да источни-

ками ведаёт, а пятый — добычей мирцита. И вот так случилось, что завладел рудниками паршивый пёс Ата-Халим — ох, и поганный же человечишка! Гордыня ему досталась от матери, что род ведёт от всадников-арафи, а подлость и изворотливость с жаждой наживы он унаследовал от отца, кашимского купца. А чем оазис Кашим славен?

И тут Дёран наконец выходит из забвения — и кривится.

— Как не знать, — говорит он, а его смазливое лицо на мгновение жутким становится. — Только славой бы я это не назвал. Из людской крови, из горького горя там золото добывают — Кашим свои богатства на рабстве сколотил.

— И будь уверен, что Ата-Халим — истинный кашимец, — усмехаюсь. — Первый он среди подлецов, и среди палачей, и среди предателей... Что уж говорить, сорок лет тому назад он собственную дочь продал в рабство за то, что она отказалась идти к нужному человеку третьей женой в гарем и хотела убежать с торговцем-северянином в Беру! Говорят, что треть рынка в Кашиме принадлежит Ата-Халиму. И вот такой человек — где обманом, где лестью, где угрозами — заполучил место в конклаве и прибрал к рукам мирцитовые рудники! А у кого мирцит, тот и суд вершит, как в пустыне говорят... И давно бы он весь конклав под себя подмял, если б не сопротивление храма Пяти Ветров. Жрецы-то давно зуб точили на работорговцев, ведь Благодатный Ветер Дождей запретил человеку владеть другим человеком, а Справедливый Ветер повелел не терпеть зла. Вторая по силе в конклаве — Вещая Госпожа Унна, жрица Ветра Карающего, и Ата-Халиму она спуска не даёт, а городская стража ей опора. Всадники-арафи же Ата-Халима поддерживают, да и сборщики налогов тоже, говорят, хоть прилюдно не склоняются ни одному, ни к другой... Долго держалось хрупкое равновесие, пока в Город Ста Чудес, великий и славный Ашраб, не явилась дева-киморт, оваянная славой. Шла она по следу работорговцев, коварством и подлостью пленивших двух молодых кимортов с севера, брата и сестру — и, заручившись благословением Вещей Госпожи, сумела отыскать безвинно пострадавших и жестоко наказать виноватых! И кто б, ты думал, осмелился попать все законы и ки-

мортов продать в рабство? Племянник Ата-Халима, подлый Радхаб! Благородная дева-киморт обрушила на него справедливый гнев, и багряный вихрь, садхам, поглотил в один миг поместье, где творилось беззаконие! Радхаб попытался отомстить и послал за нею вдогонку убийц, но ясноокая дева разметала их одним движением руки, и горе было тем, кто не внял предупреждению и атаковал снова... Лишь один из десяти наёмников вернулся живым. И знаешь, как прозвали тогда в Ашрабе деву-киморта?

Дёран легонько касается семиструнки, и она отзывается вздохом-трелью.

— Несущей Возмездие? Справедливой? — улыбается он краешками губ, точно вспоминает кого-то родного.

А я только вздыхаю:

— Рождающей Бурю. Ибо теперь, после такой пощёчины, ни Радхаб, ни дядька его Ата-Халим не сумеют усмирить гнева, а Унна, благородная Вещая Госпожа, не станет терпеть несправедливости. Она, я слышал, уже выступила в конклаве, обличая злодеяния Ата-Халима, и всадники-арафи собираются к Ашрабу с разных концов пустыни, а храмы во всех оазисах, больших и малых городах, вывесили на стены знамя Ветра Карающего. Нет, не быть миру... А дева-киморт — Избавительница от недуга, Подательница Воды, Освободительница и Рождающая Бурю — двинулась к северу. К слову, дружище, как тут дела-то... на севере? — добавляю несмело, ибо и желаю, и страшусь услышать ответ.

Дёран молчит, и сердце у меня замирает.

— Так же, как и всегда, — говорит он наконец. — Только хуже. Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть у лорги два сына, которых он больше других выделяет — Мирра, наместник юга, и Кальв, наместник востока. Прежде были они не разлей вода, а нынче глядеть друг на друга не могут — сразу ругаться начинают; и добро бы только ругались, так и десятидневья не проходит, чтоб одна дружина с другой на границе не схлестнулась. А лорга вместо того, чтоб сыновей осадить, помирить, только масла подливает! Дряхлый старик уже, что пень гнилой, а всё туда же — за власть свою боится... Между тем дальние деревни в упадок приходят; дети-киморты давно уже там на свет не родятся, а где

родятся, добра, как сказывают, не приносят. Так в одно поселение на северо-востоке, что раймой промышляло, зачастили мертвоходцы. Сперва по одному, затем по двое, а после уже и вовсе житъя не давали! Даже огненная ограда, мастером сработанная, и та не помогала... И быть бы большой беде, большой крови, если б не появился там откуда ни возьмись эстра — не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. Быстро он отыскал способ отвадить беду: мертвецов своей силой привлекала девочка-ки-морт, которую мастер от жадности да по глупости отказался отправлять в цех на воспитание. Мастера эстра отчитал, а девочку пожалел и взял в ученицы; наутро он тронулся в путь, и с тех пор мертвоходцы к деревенским воротам, говорят, не приближались. За то его Справедливым прозвали — мол, хоть и строг он, а беспристрастен.

Дёран говорит — семиструнка отзывается перезвоном, тихим-тихим, как вздох. А я слушаю — и вижу, как наяву, да только не то, о чём он рассказывает, а то, что давным-давно было. Города-крепости в горах, возведённые из белого камня; узорчатые мосты, переброшенные через пропасти; глубокие шахты, где невиданные сокровища добывают, и дороги, прямые и широкие, и всадников, что по тем дорогам летят, и стелются за ними по ветру зелёные плащи с рыжей меховой опушкой...

Всё это взаправду было, а нынче стало старой-старой сказкой.

Города заброшены и заросли лесом, от дорог и воспоминания не осталось, ажурные мосты обрушились, и лишь кое-где остовы торчат, как обглоданные кости.

Сердце — глупое и жалкое — трепещет.

— Да, — выдыхаю еле слышно. — Бывает и так.

А Дёран вскидывается, кладёт на колени семиструнку, ставит чуткие пальцы на струны, и льётся тихая музыка.

— Это ещё что! — говорит он и лукаво улыбается. — Слышал ли ты, как прохожий странник вернул воду в Беру? Ну так слушай. Ещё в незапамятные времена кудесница Брайна подарила городу чудесный источник. Зимой он не перемерзал, летом вода лилась прохладная и чистая-чистая, и никакие засухи ему были нипочём. И тут нынешней весной вдруг затряслись горы, захо-

дили ходуном, а источник обмелел. Поначалу никто в том большой беды не видел — есть и другие колодцы, и ключи, и ручьи... Но городской-то голова знал, что первая же засуха погубит Беру, а потому искал пути к спасению; но не так-то это было легко — нынешний лорга кимортов не привечает. И тут явился откуда ни возьмись эстра с ученицей — не то из-под земли вырос, не то с неба упал! Слово за слово, разговорился с городским головой — да взялся за сложное дело. Воздел он руки — и задрожала земля, горы ходуном заходили, послышался гул... а потом как взмыл вверх фонтан воды, как загорелась радуга! Целый день, говорят, она над городом провисела. Воды в источнике Брайны стало столько же, сколько и прежде, если не больше; а сама она прежде мечом в землю указывала, а нынче в небо целится. Эстра в городе долго не пробыл, дальше пошёл, а людская молва его новым именем наградила — Хозяин Вод. Ну, каково?

Дёран улыбается, смотрит на меня чуть исподлобья, ищет, как ишмиратские девы, и седая коса у него перекинута через плечо, а серые бродяжки одежды словно бы отсвечивают травяной зеленью, как в прежние времена, и будто бы проступает на них искусная вышивка... И вижу я, как наяву, Брайну-Кудесницу — ту, что была и лоргой, и кимортом, и искусной воительницей; давно она жила, но оставила по себе великую славу. Это она проложила в горах дороги; она отстроила дивные города, похожие на оживший сон; это её усилия растревожили недра гор, и...

Впрочем, неважно — больно давно всё было.

Нынче от неё только осталось, что один источник на юге, в Бере, и одна крепость на севере.

И память. Память жива ещё, да.

— Надо же, — вздыхаю, отводя взгляд. — И так бывает.

В груди щемит.

А Дёран, задетый невниманием, разминает пальцы, придвигается ближе, понижает голос, и вторит ему мелодия семиструнки.

— Ну, то приписка была, а сказка впереди... Вот, послушай, этого тебе никто не расскажет, особенно здесь, в столице, у лорги под боком. В славном городе Свенне, что в Западном Лоргинариуме, есть ночная ярмарка. Она для простого люда, который

не в ладах с законом, и страже обычно туда ходу нет. И вот представь, в разгар торгов к прилавку обычного торговца пирожками подлетела дружина из самого Ульменгарма, всадники, что подчиняются самому лорге! Подскочили — и схватили одну девчонку-замарашку, а женщину, что с ней была, едва на месте не зарубили. Люди зароптали, но что против всадников с морт-мечами сделаешь? То-то же. И тут откуда ни возьмись явился эстра-бродяга — не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. «Где это видано, — молвил он, — чтоб малое дитя при всём честном народе похитили и никто за девочку не вступился? Стыд вам!» Женщину он исцелил — почитай, из мёртвых вернул, а потом вдогонку за всадниками кинулся. И знаешь, что, друг Сэрим? Его-то с девчонкой-ученицей позже на дороге увидели, а вот дружину — нет. И морт-мечи их не спасли. А прозвали его за то...

— Освободителем? — выгибаю я брови, вспоминая о Фогарте и её подвигах. Становится веселей. — Спасителем?

— Если бы, — вздыхает Дёран, и взгляд у него задумчивым становится, темнеет, как вешнее небо перед грозой. — Прозвали его Погибелью Лорги, а ещё Несущим Возмездие. И, сам понимаешь, приятель, знак это недобрый. Значит, пришёл срок — слишком долго лорга престол занимал, а добра народу не сделал, и чаша терпения переполнилась. Не сегодня — так завтра север запольхает... И вот ещё что. Слухи ходят, что не просто так дружинники ту девчонку похитили. Говорят, что они по всему Лоргинариуму забирают кимортов-детей, но не приводят их в цех, учиться у старших, а продают на юг, в рабство.

И всё веселье разом пропадает.

Пригубляю вино, а оно горчит; у Дёрана тоже — вон, как он морщится.

— Похоже, что всё ещё хуже, чем мне на юге виделось, — говорю в сердцах.

Дёран кивает:

— А то. Ещё, рассказывают, недавно появился мирцит необыкновенной чистоты — лучше, чем из южных рудников. А с юга везут морт-мечи, да больше, чем из Ишмира — знай плати только! А откуда морт-мечам на юге взяться, если кимортов там нет,